

Елена Джеро
nextvariant@gmail.com

Иерусалимский синдром

— Пардон, месье, разрешите представиться, я — профессор Левин, Давид Левин, — почти прошептал странный тип и протянул Гийому руку. На вид профессор был лет сорока и ужасно похож на того актера из «Амели», как же его? Матьё, так, а фамилия? Ко... Косо... Кассовитц, точно! — Мне сказали, вы часто приходите сюда. Возможно, вам покажется странным мой вопрос... но вы, случайно, не слышите музыку? Сейчас, когда смотрите на эту картину?

Гийом вздрогнул от неожиданности, после чего резко покрутил головой, выискивая операторов какого-нибудь телевизионного розыгрыша, но в этом зале музея Орсе кроме них никого не было. Гийом сглотнул и поправил очки. Скорее всего, это простое совпадение, что нечаянный посетитель затронул так долго мучившую его тему. А вдруг он тоже ее слышит, эту незнакомую композицию? И те странные ощущения, может, он их тоже испытывает?

— Иногда да, бывает и музыка. Не в этом ли сила искусства? — улыбка получилась только наполовину, и такая кривая, застыла на лице.

— Прошу вас, месье...

— Гийом Бель, рад знакомству.

— Месье Бель, это очень важно — вы слышите разную музыку или одну и ту же?

Конечно, этот похожий на актера профессор слышит тоже! Иначе б не спрашивал! Иначе не стоял бы в этом зале именно перед этой картиной, «Портретом доктора Гаше», единственной, которая «играет». Гийом проверял — не только в этом музее, но и в Оранжери, и в Мармоттан Моне — везде, где живут его любимые постимпрессионисты. Тишина. И только доктор Гаше выдает фортепианную композицию.

Профессор от этой новости встrepенулся и заблестел глазами. И тут же пригласил нового знакомого вместе пообедать, так как им надо много всего обсудить. Тут недалеко, тихое заведение, три мишленовских звезды. Одно из тех мест, которые, даже находясь на родной станции метро, никогда не попадают в ваш жизненный маршрут. Ну, почти никогда, бывают же дни, когда в музее к вам подходит Матьё Кассовитц, правильно? И заодно развеивает ваши страхи по поводу собственного душевного здоровья.

Правда, после антипасти, когда они уже были на «ты» — почти же ровесники, у Гийома закрались смутные подозрения, что сумасшедший тут не он. Хотя повествование израильского, как выяснилось, профессора физики, звучало вполне естественно и отсутствием логики отнюдь не страдало.

Начал рассказчик издаleка — с Иерусалимского синдрома. Которым страдают исключительно паломники, прибывшие из очень дальних стран, желательно — пешком. Добирается такой вот пилигрим до священных мест и немедленно заболевает манией величия: сообщает всем вокруг, что он какой-нибудь библейский персонаж и пытается срочно начать спасать мир в лице местных жителей. Местные жители, естественно, спастись не желают, а сразу вызывают «скорую», которая и отвозит новоявленного пророка прямиком в Кфар Шауль*. Там таких уже прилично.

Так вот, психиатры утверждают, что природа нашего Иерусалимского синдрома вовсе не уникальна, и истории подобных внезапных заболеваний известны еще хотя бы два: синдром Стендаля и Парижский синдром.

— Про синдром Стендаля я читал, — поспешил вставить Гийом. Не хотелось показаться совсем уж невежей. — Это про галерею Уффицы, вроде от обилия произведений искусства у людей едет крыша, так?

— Именно. Стендаль действительно писал про Флоренцию, но вот по поводу причин я с ним не согласен. — Профессор вздохнул и отложил вилку. — Ведь каковы симптомы? Внезапно, подчеркиваю, внезапно, начинаются галлюцинации. Потерпевшие рассказывают, что видят определенную картину будто другими глазами, что вроде они ее и рисуют, или находятся в месте, изображенном на полотне. При этом сердцебиение и прочие физиологические показатели зашкаливают так, что нередко жертва синдрома теряет сознание. О чем это нам говорит?

Гийому это не говорило ни о чем. Но израильтянин и не ждал ответа.

— О том, что имеет место явление физической природы. И на что это похоже? Что это нам напоминает, если задуматься? — профессор взмахнул рукой с ножом, словно вел лекцию. — Резонанс, дорогой мой Гийом! И, как следствие, увеличение амплитуды вынужденных колебаний. Но мост ведь не обязательно рушится под строем марширующих солдат, так ведь? Надо, чтоб совпали частоты — солдатская и его, моста, собственная, как в нашем случае — зрителя и картины.

Вот тут Гийом и засомневался.

— Никогда не слышал, что у картин есть частота, — попытался он сказать ровно, без сарказма и иронии.

— Естественно. Но ты же слышал про ауру? Про энергию плохую и хорошую, про экстрасенсов, которые, потрогав вещь, находили хозяина?

— Конечно. Но, честно сказать, я в это не верю, месье... Давид.

— Я и не прошу тебя верить! Я прошу тебя — доказать.

Гийом подумал о десерте, который впереди, и о сумасшедших. Они же ведь не все опасные, полно таких вот мирных теоретиков. Наверное.

— ОК, дай мне пять минут. Просто слушай, — заторопился профессор, правильно проинтерпретировав паузу. — Допустим, всего лишь допустим, что гипотетическое мысленное поле, относящееся к торсионным полям, существует. И что волны, испускаемые мозгом, душой или какой-нибудь другой частью человека, теоретически могут «намагнетизировать» какой-то определенный, поддающийся мысленному излучению предмет, например, картину. Которая начинает испускать волну определенной частоты. Висит себе, испускает, и ничего не происходит, пока не приходит кто-то с очень похожей частотой, понимаешь? И стоя перед «намагниченной» картиной, увеличивает эту частоту, пока — бум, не возникает резонанс. Хороший такой, с тахикардией и обмороками.

— Я понял. Гипотетически это возможно, — сказал Гийом, не желая расстраивать профессора, которому скоро должны были принести счет. К тому же хотелось бы получить пусть гипотетический, но ответ на свой вопрос. — Только как это связано с музыкой, которую я слышу?

Музыку профессор объяснить не мог, пока. Сказал лишь, что она — разгадка и ключ ко всему. Опрошенными жертвы синдрома Стендаля, как один, слышали — каждый свой — тихий мотив перед тем, как... Ну, резонанс, короче. То есть сначала тихий. Потом все громче и громче, пока в ушах не начинал бушевать оркестр. Вот поэтому-то израильское светило квантовой физики и считало, что приступ синдрома Стендаля можно легко индуцировать. Посредством постепенного усиления громкости конкретной музыкальной композиции. И им с Гийомом предстоит это продемонстрировать.

Здесь Гийом видел две существенные проблемы: во-первых, он понятия не имел, что это за музыку играет у него в голове доктор Гаше, а во-вторых, его совсем не

прельщало падать в обморок посреди музея Орсе, и если уж на то пошло, вообще нигде не прельщало. Он про себя уже решил вообще туда больше не возвращаться, раз у него в перспективе — Стендаль, а вслух сказал:

— Очень польщен, Давид, правда, но участвовать в научных исследованиях никогда не входило в мои планы. Ты найдешь другого «приёмника волн», я уверен!

Профессор не произнес ни слова, пока не доел свой шоколадный фондан. Вытер губы салфеткой и произнес задумчиво в своей обычной вопросительной манере:

— Тебе должно быть безумно интересно, мой друг, почему бедные туристы теряют сознание?

— Как почему? Резонанс!

— Да это-то понятно. Но куда девается сознание? Где душа в это время? Довольно долгое, надо сказать!

Они смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. Две голубые французские фиалки и зеленовато-карие миндалины пустыни.

— В картине? — предположил, наконец, Гийом.

— А может, в художнике? — склонив голову набок, отозвался Давид.

Гийом подумал, что правду говорят про еврейскую привычку отвечать вопросом на вопрос. Потом — что все это невозможно. Потом — что это может быть только так, это так — точно.

Он снял очки и надел обратно — жест, который знающие его люди интерпретировали бы как высшую степень волнения. Постучал пальцами по столу, что знакомым указало бы на интенсивный мыслительный процесс. Зажмурился, несколько раз вдохнул прерывисто и выстрелил:

— Как мы определим, что это за музыка?

Если вам случайно повезло жить во время, в котором источник информации — интернет, а средство ее получения — смартфон, то достаточно не разучиться думать, чтоб найти решение абсолютно любой проблемы. Точнее, несколько десятков таких решений. В данном случае — программ по распознаванию мелодий. Поэтому, выйдя из ресторана, они направились в ближайший сквер и принялись мучить Гийомовский айфон. Безуспешно. Айфон сдаваться не собирался и мучил их в ответ: то была слабая связь, то слишком шумно, то определялись какие-то совсем непохожие песни на английском. Дело усугублялось тем, что напеть Гийом мог только начало мелодии, остальное воспроизвести никак не удавалось, поэтому пришлось вернуться в музей. Дождались, пока «доктор» останется без посетителей, и записали вполголоса несколько эмпирических кусков, разных.

Тут выяснилось, что телефон у профессора — из прошлого века. В прямом смысле. То есть из музыки он, кроме пугающего звонка, не воспроизводил ничего. Поэтому мечтать, что один сотовый будет петь, а второй играть в игру «Отгадай мелодию» не приходилось. Но, к счастью, держа своего динозавра в руке, Давид переключился с современного образа мыслей на классический и позвонил своему соседу по танку. Бывшему, конечно, времен армейской юности, а нынче — первой скрипке Нью-Йоркского Филармонического. Проиграл ему записанный у картины двадцатисекундный хит и немедленно получил отгадку. Не отходя от кассы, можно сказать, сиречь от бронзового носорога, что напротив входа в музей.

— Франк Сезар! — радостно повторял профессор за трубкой, — Соната для скрипки и фортепиано A-dur!

— Что такое A-dur? — поднял взгляд вбивающий название в поисковик Гийом.

— Что такое A-dur? — переправил вопрос за океан Давид, — А-а, Ля-мажор!

К концу разговора с другом юности, Гийом уже включил вожделенную сонату. Его сонату, которая столько времени пряталась, манила, обещала, сводила с ума.

— Да! Да, это оно! Ха! — он не замечал ни что кричит на весь Париж, ни что машет кулаком стражнику-носорогу, подпрыгивая через шаг. Подлетел к смеющемуся Давиду, обнял, потрепал за курчавые волосы. — Нашли! Мы нашли ее! Соната А-дур, вот оно что! Соната А-дур! Ла ла ла...

Хотелось рассказать Давиду все: и про часы наедине с картиной, про страхи, слезы и про ощущение чуда. Хотелось вернуться тотчас же к «Доктору Гаше» и приниматься за эксперимент, падать в обморок и в неизвестность.

Но профессор сказал — не сегодня. Надо еще многое подготовить и обдумать. Получить разрешение на установку аппаратуры для различных замеров и проанализировать имеющуюся информацию. Как какую? Например, где скрипка? Скрипка, для которой соната написана на тех же правах, что и для фортепиано, почему отсутствует в голове? Ну и подготовка к «полету» — отчеты очевидцев, точнее, участников уже случившихся синдромов. Конечно, тех только, кто не сошел с ума после часов или дней, проведенных десятки, сотни или тысячи лет назад, часто не понимая ни слова! Про то, как избегать потенциальных опасностей и прочий инструктаж — все завтра. Встретимся тут же, перед открытием. Обменялись номерами и мейлами и расстались, профессор — в раздумьях, Гийом — в предвкушении.

Он, правда, хотел пойти домой, но ноги сами принесли его на бульвар Клиши. Принесли и оставили в обожаемом постимпрессионистской богемой «Черном коте», предаваться мечтам и порокам. Из пороков, правда, запрет Давида на алкоголь оставлял только сигареты и проходящих мимо красоток, да и те сегодня дефилировали практически невидимыми мимо сфокусированных на веточке наперстянки глаз Гийома.

Он выпил два кофе, один апельсиновый сок и бутылку минеральной воды. За соседним столиком болтали американские, судя по акценту, туристки. — Успеваем еще в Орсе, — говорила одна другой, тыкая пальцем в карту. — Сегодня четверг, открыто до десяти!

Гийом не спеша выкурил сигарету. Заказал еще бутылку «Perrier». Расплатился, одел наушники и всю дорогу слушал свою сонату. Весь обратный путь до музея.

У доктора никого не было. Гийом встал на свое обычное место, отрегулировал громкость и стал смотреть на знакомые мазки. Он, кажется, знал их всех наизусть, каждый сантиметр, каждый полутон. Сердце забилося быстрее, и он подкрутил громкость. Темно-синий сюртук, рыжие волосы, фуражка с желтым околышем. Перед глазами поплыли радужные круги. Громче! Капли пота катились по лбу и обжигали глаза, он моргнул, а когда через миг распахнул ресницы — вместо доктора был чистый сероватый холст, ниже и ближе, прямо на коленях.

— Ты опять здесь! — зарычал незнакомый голос, рука выронила баночку с краской и стукнула по виску. — Изыди! Изыди, демон! — Перепачканные пальцы промелькнули перед глазами и больно вцепились в волосы. — Оставь же меня, отпусти, проклятый!

До стола с садовыми ножницами было ровно два гигантских шага, преодоленных в один момент. Острие холодом прижало левое ухо.

— Я все одно уничтожу тебя, вырежу, непокорная нечисть, убирайся, сгинь! Взгляд, мечущийся по просторной террасе, споткнулся на холщовой сумке, висящей на гвозде рядом с закрытой дверью.

Рванул ее на себя, разрывая, грохнулся на деревянные доски пола, рядом упал револьвер.

— Что, страшишься, несчастный? Будет, побаловались! — дуло уперлось в грудь, ноги в старых башмаках скребли по половицам.

— Господи, нет! Разве не на пленере? — все тем же не своим голосом воскликнул Гийом. И сам себе ответил испуганно:

— Что это? Ты говоришь по-французски??? А раньше отчего кричал на русском, препятствуя работать «Арльских дам»?

Черт! Это еще что за новости? Русского Гийом, разумеется, не знал. Получается — кто-то приходил до него? Предыдущая жертва синдрома?

— Месье Ван Гог, пожалуйста, положите оружие, я все объясню, но сначала уберите это подальше, — сказал Гийом как можно спокойнее, пытаюсь копировать переговорщиков из детективных фильмов.

И отбросил пистолет в сторону.

— Ты кто? Звуковое видение? Говорящий психоз? — встал с пола и прыгнул к висевшему в углу зеркалу.

Винсент Виллем Ван Гог, настоящий, растрепанный, с красным лицом и удивленно поднятыми бровями, пристально смотрел Гийому в глаза.

— Болен, помешан, болен...

— Месье Ван Гог, великий, непревзойденный, гениальный месье Ван Гог! В это трудно поверить, но я — не ваше безумие, я — Гийом Бель, парижский художник, из двадцать первого века.

Конечно, много информации так вот сразу, тем более про будущее, сейчас начнутся вопросы про счетные машины Жюль Верна и полеты на Луну, но надо же как-то отрезвить потенциального самоубийцу! Еще не хватало, чтоб из-за него, Гийома!..

Винсент моргнул, снова моргнул и вдруг засмеялся.

— Великий? Я? Что-что, а уж такого мне самому не выдумать нарочно!

— И самый дорогой! — Винсент в зеркале убедительно кивнул головой. — Ваш рекорд — восемьдесят два с половиной миллиона долларов!

— Что? Сколько? Как? — художник сполз на стоящую рядом тумбочку.

В дверь робко постучали. Винсент резко вскочил и, на ходу приглаживая волосы, бросился открывать. На пороге стояла молодая девушка в розовом платье до пола и высокой прической.

— Мадемуазель Марго, я опять вас напугал, простите великодушно.

И это юное создание — Маргарита Гаше? Предмет вечных споров вангоговских биографов на тему «было или нет»?

— Мое беспокойство всегда только лишь о вашей здравии, месье Винсент, — сказал кучерявый ангел и слегка поклонился. — Я направлялась к вам узнать, не помешает ли вашему творчеству, если я немного поиграю на фортепьяно?

— Что вы, дорогая Марго, я и сам хотел просить вас позировать, — он посмотрел на чистый холст, — но, кажется, сегодня... уже поздно... из соображений освещения, имеется в виду.

За окном вовсю светило солнце.

— В таком случае разрешите откланяться. Папенька нынче к обеду не будут, просили вас развлекать и заботиться. Не желаете ли чего, прежде чем я начну эзерчиции?

— Благодарю вас, милая мадемуазель Марго, пока нету надобностей, я позже приду к вам в гостиную. — Затворил за гостьей дверь и пока Гийом решал моральную проблему, стоит или нет выпытывать сердечную тайну, вернулся к зеркалу. Видимо, ему надо было видеть собеседника.

— Как вы явились в мою голову? — строго спросил художник у отражения. — И почему ко мне?

Пришлось рассказать. И про синдром Стендаля, и про резонанс, и про дыру темпоральную. Только дошел до своего самовольного поступка, как из гостиной донеслись первые такты Сонаты. Судя по паузам и ошибкам, девушка ее только начинала разучивать. Так, хорошо, музыка на месте, а где портрет? Портрет доктора Гаше, где он?

— Здесь, разумеется, в доме месье Гаше, я же его тут рисовал, — пожал плечами Винсент и вышел в коридор. Господи Боже! Первым в глаза бросился Писсарро. Чудь дальше на стене висели ранний Моне и Сезанн, штук пятнадцать картин, не меньше. — Вот они, великие, где, — грустно прокомментировал художник. — А я в библиотеке.

Библиотека оказалась скорее небольшим кабинетом: массивный секретер, шкаф с книгами, кресло у окна. Портрет лежал на ломберном столике, видно, совсем свежий. Гийом осторожно взял его и поднес к свету. И в тот же миг руки его задрожали. Книги на столе, цветок в стакане. Восемьдесят два с половиной миллиона! Нынешний владелец неизвестен. Это же первый портрет! Первый! А где же второй? Тот, который в Орсе? Тот, через который...

— Какой еще второй? — Винсент открыл лежавшую на столе табакерку и принялся набивать трубку. — Не имеется никакого второго, только этот. Хотя я, натурально, намеревался делать копию для месье Гаше, но после не случилось оказии.

Гийом лихорадочно соображал. Картины еще нет? Она датирована июнем, это точно! Как и первая версия, кстати, написанная — судя по письмам Винсента к брату — в начале месяца.

— Какое сегодня число?

— Тридцатое.

— Что это значит? — Гийом не заметил, как начал думать вслух. — Значит, что завтра — июль. Значит, картины нет, и возможно, никогда не будет! И я все-таки изменил эту чертову квантовую сцепленность, про которую говорил профессор! Завалил единственный пространственно-временной туннель, соединяющий вот это ... с домом. Господи, что же теперь будет? Со мной, с миром, с Ван Гогом?

Ван Гог затыкнулся трубкой.

— Со мною? Постойте, как же это? Если картины не будет, вы останетесь со мною навсегда?

Гийом не знал. Но очень этого боялся. В основном потому, что через месяц, по идее, Винсент вернется с пленера с пулей в животе.

О, Боже... Картина должна была быть. Она должна быть написана!

— Месье Ван Гог, когда я ... прибыл, вы что рисовать собирались?

— Мадемуазель Маргариту, конечно. С физгармоникой или фортепьяно, еще не решил.

— Я прошу вас, маэстро, я вас умоляю — напишите второй портрет доктора! Это наш единственный шанс! На мой своевременный уход, так сказать.

Уговоры были излишними — избавления Ван Гог желал всей душой, точнее, на данный момент, обеими своими душами. Он взял портрет доктора, которому суждено будет увидеть Геринга и «Кристис», и понес его через заваленный шедеврами искусства коридор обратно на террасу, где чистый холст ждал своего приговора.

За стеной соната закончилась и пустилась с начала. На холсте, словно волшебные, появлялись первые линии. Гийом смотрел с благоговением и восторгом, как гений набрасывает сразу красками композицию.

— Стоп. Простите, месье Ван Гог, но стакана не было. И книг, кстати, тоже.

Винсент остановился в нерешительности.

— И цвета там другие... И техника...

Боже мой, ужас! Указывать великому Ван Гогу?

Художник, опустив кисть, молча смотрел на начатую картину.

— Кажется, вы представились художником, месье, — произнес он, наконец. — Так покажите же мне!

Холст зашептал: ты не сможешь! Кто ты? Что возомнил о себе? Не выйдет!

Гийом отрицательно помотал головой. Потом потянулся к очкам, и, не найдя, постучал пальцами по колену. Зажмурился, вздохнул несколько раз прерывисто и потянулся к палитре.

Ведь он знал эту картину, знал каждый мазок, каждый полутон. Знал так, как знает заключенный кирпичи в своей камере, как прикованный к кровати больной знает трещины на потолке.

И он начал. Или они начали? Двое? Один? Который? Руки сажали цвета, пальцы лепили форму, ноты вплетались в масло, замирая на лепестках наперстянки и в прозрачных глазах Фердинанда Гаше.

Заходила Маргарита, попросили продолжать эту чудесную музыку, что это? Сезар Огюст Жан Гийом Юбер Франк, мой любимый композитор, — сообщило, очаровательно покраснев, совершенство. — Очень сложное произведение, «Соната для скрипки и фортепиано».

— А-дур, — добавил Гийом с видом знатока. — Ля мажор!

Вернулся из клиники доктор, хотел мешать разговорами, но, увидев, над чем работали, поспешно удалился за дверь. Приходил после звать на ужин, но художники лишь отмахнулись невежливо.

За окном собирался закат, когда был положен последний мазок.

Они смотрели на дышащее краской и грустью произведение, склонив голову набок и засунув кисть в рот.

— Не самое худшее из моих полотен, — резюмировал без особой радости Ван Гог. — Но вы не исчезли, месье Гийом из будущего. Может статься, вы и не существуете вовсе.

Гийому захотелось вспомнить что-нибудь из жизни Винсента этих дней, чтоб убедить его в своем абсолютном наличии, но ничего не лезло в голову.

— Профессор предполагал, что картина «магнитится» ближе к концу, но, может быть, это происходит после, когда полотно высыхает? — предположил он неуверенно.

— Ежели так, нам еще предстоит быть связанными, если можно так выразиться, около месяца? В лучшем случае.

Ван Гог принялся складывать тюбики с краской. Гийом безмолвствовал. Перспектива остаться с Винсентом на месяц его не сильно пугала, если бы была гарантия, что потом — домой. В свое, привычное, родное тело. Тело! Как же он раньше не подумал об этом! Ведь Давид говорил, все происходит в настоящем времени! То есть тело находится в отключке ровно столько, сколько душа, или мысль, или торсионное что-то там, путешествует, как мы знаем теперь, по мозгам художника. Если он заперт здесь на месяц, то что происходит с телом? Кома?

Стало вдруг невыносимо страшно. Если он будет еще здесь 27 июля... А может, именно потому, что он все еще будет здесь...

— Месье Ван Гог, послушайте! Мне нужно рассказать вам кое-что необычайно важное! Скоро, почти через месяц, — он закрыл глаза и сжал губы, не зная, имеет ли право, смеет ли... — не делайте этого, заклинаю вас, весь мир вас заклинает — не делайте этого! Иначе... Печаль будет длиться вечно!

— *La tristesse durera toujours...* **

— Пришел в себя, ну, наконец-то! — просторная больничная палата, капельница, пульсоксиметр. — Гийом! Гийом, это я, Давид, ты меня слышишь? — радовался профессор, легонько похлопывая его по плечу.

— Они мне сразу позвонили, из музея, я ж им говорил, что работаю над синдромом, про диагностику на ранней стадии и все такое, — торопливо рассказывал профессор. — Но на всякий случай амбуланс тоже вызвали — им лишние проблемы ни к чему. Так что я сразу сюда приехал, волновался ужасно за тебя!

— Тыыыиннеееееееррдииишшьссяяя? — голос был свой, но очень медленное воспроизведение.

— Не волнуйся, это нормально при возвращении: проблемы с речью могут быть, со зрением или слухом, движения неконтрольные. Но к завтраму пройдет, щебетать станешь лучше прежнего! Какое сержусь? Да я счастлив, что ты вернулся, герой ты мой! Я так рад! Ты вот что — спи, отдыхай, приходи в себя. Утром я приду, и ты мне все-все расскажешь, подробно! Господи, дождаться не могу! Все, я пошел, — и пропал за дверью вместе со светом и звуком.

Утром, как профессор и предсказывал, о физиологических эффектах возвращения в родной организм не осталось и следа. Гийом принял душ, с аппетитом позавтракал и вышел прогуляться. Больничный садик, конечно, не бульвар Клиши, но погода только в последние дни стала наконец-то майской, по привычке жалко еще каждого луча.

Было странно и сладко вспоминать вчерашнее приключение. Он, Гийом Бель, простой художник, скоро станет — историей! Открыватель! Первопроходец! Первый, кто бесстрашно, — гордость заиграла в интонации, — прыгнул в омут, можно сказать, с головой... Ну, пусть не первый. Чего там Винсент говорил? «Арльские дамы»? Он присел на одну из свободных лавочек и достал айфон. Вот, «Арльские дамы». Они же «Воспоминание о саде в Эдене». Ну, все понятно, почему предыдущий гость говорил по-русски — картина же в Эрмитаже! Но это не в счет, они же не беседовали даже! Не говоря уж о «вместе работать»!

Он подставил лицо теплему ветерку и засмеялся счастливо. Работать — вместе — с гением! Шутка ли? А какие перспективы открываются! Можно ведь не только к Ван Гогу «в гости ходить»! Представить только, заявиться к да Винчи! И научить его, что такое парашют, танк, велосипед... Хотя к Леонардо, наверное, другие путешественники отправятся. Надо ж для этого быть изобретателем! Инженером или там механиком. Ведь по рассказам профессора, пророками и апостолами представляют себя только ультрарелигиозные личности, у простых туристов иммунитет... Ой, так это что же? Это ведь означает, что и пророки, и даже, возможно, сам Иисус... существовали?!?

Ладони вспотели, сердце зашло в безумном тиканье, на лбу выступили капли пота. Сначала в горящих ушах появился голос, собственный, и только потом он понял, что это двигаются его губы.

— Что это?!? Где я?! Неужто? Но как?!

Покрутил головой по сторонам, вдруг уставился на айфон, отшвырнул в кусты. Вскочил со скамейки и, озираясь, побежал по аллее. Споткнулся, упал, поднялся, ругаясь, схватил испуганно отшатнувшуюся медсестру.

— Мадам, вы меня не знаете? Смотрите! Я — Винсент Ван Гог, художник! — Вопил, брызгая слюной. — Великий Ван Гог, ну же? «Подсолнухи», «Звездная ночь»? Нет? Да как же, он же сказал... Где доктор? Вы не знаете доктора Гаше? Восемьдесят два миллиона! С половиной, мадам! Долларов!!! Месье! — бросился к мужчине в инвалидной коляске. — Вы должны знать доктора Гаше! Он ведь в музее! Где же музей Орсе? Хочу увидеть своими глазами! Где он?

Народ ручейками разбежался от места, где орущий человек метался между растерянными постояльцами клиники. Кто-то что-то кричал, плакал ребенок, бежали санитары, много, все — к нему. Укололи в плечо почему-то, руки перестали двигаться, ноги заплетались, как у пьяного. Бородатое лицо в очках расплылось перед глазами и скомандовало устало:

— В «Ван Гог»*** его давайте, родимого, диагноз — Иерусалимский синдром.

Примечания:

* Больница Кфар Шауль — психиатрическая клиника в Иерусалиме, является одним из наиболее известных центров изучения Иерусалимского синдрома.

** Печаль будет длиться вечно! (*La tristesse durera toujours...* Фр.) — последние слова Винсента Ван Гога перед смертью от огнестрельного ранения, произошедшего 27 июля 1890 года.

*** *Vinsent Van Gogh Centre de santé mentale et de réadaptation de Paris* (фр.) — Парижский центр психического здоровья и реабилитации «Винсент Ван Гог»